
ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

Е. П. Ильин

ПСИХОЛОГИЯ — НАУКА, ИГРАЮЩАЯ СЛОВАМИ И КОРРЕЛЯЦИЯМИ?

И. В. Гете в «Фаусте» описывает диалог Мефистофеля со студентом, захотевшим заняться теологией:

Мефистофель:

О нет, собьетесь со стези!
Наука эта — лес дремучий.
Не видно ничего вблизи.
Исход единственный и лучший:
Профессору смотрите в рот
И повторяйте, что он врет.
Спасительная голословность
Избавит вас от всех невзгод,
Поможет обойти неровность
И в храм беспорности введет.
Держитесь слов.

Студент:

Да, но словам
Ведь соответствуют понятия.

Мефистофель:

Зачем в них углубляться вам?
Совсем ненужное занятие.
Бессодержательную речь
Всегда легко в слова облечь.
Из голых слов, ярясь и споря,
Возводят здания теорий.
Словами вера лишь жива.
Как можно отрицать слова? [1]

Мне представляется, что во многом этот диалог может быть отнесен и к разговору о современной психологии, когда нередко строятся теории, основанные лишь на словах-понятиях, при этом не углубляясь в их суть. Беда в том, что у каждого психолога имеется свой тезаурус, противоречащий всем остальным. Чтобы не быть обвиненным в предвзятости, сошлюсь на мнение по этому поводу В. М. Аллахвердова: «В психологии вообще нет ясных и общепринятых определений практически всех важнейших терминов. Крайне загадочны определения психики, эмоций, памяти, интуиции, личности» [2].

Однажды я попросил сотрудников своей кафедры написать мне, какое определение мотива они дают студентам. Оказалось, все 14 вариантов определений не совпали друг с другом. Отсюда узнать из учебников, какова сущность того или иного психического явления, подчас практически невозможно. Вот конкретный пример, касающийся эмоций и чувств. С. Л. Рубинштейн (1999) в своем классическом труде «Основы общей психологии» пишет об эмоциональной сфере, используя то слово «эмоция», то слово «чувство», не отмечая ни их тождества, ни их различия. В одном учебнике, изданном в Минске, написано, что «эмоции и чувства — это *разнообразные переживания* человека, вызванные удовлетворением или неудовлетворением его потребностей...» [3. С. 285], в другом учебнике, написанном петербургскими авторами, говорится, что «эмоции и чувства — это своеобразное *личностное отношение* человека к окружающей действительности и к самому себе» [4. С. 265]. Несмотря на различное понимание сущности эмоций и чувств в этих двух учебниках, и в том, и в другом они фактически отождествляются. А в учебнике, изданном в Ташкенте [5], о тождественном понимании эмоций и чувств говорится прямо: «Термины чувства и эмоции нами употребляются в одинаковом значении» (с. 316). В одном учебнике пишут, что «чувства — наиболее устойчивые эмоциональные состояния» [6], в другом: «Эмоциями называют психические процессы, содержанием которых является переживание, отношение человека к тем или иным явлениям окружающей действительности» (П. А. Рудик, 1967. С. 75), хотя в действительности все обстоит как раз наоборот: эмоциональные состояния — это и есть эмоции, а отношение человека к чему-либо — чувства. Иногда вообще избегают понятия «чувство», заменяя его понятием «интимные личностные отношения» (Р. С. Немов, 1994. С. 596). Нередко чувства называют высшими эмоциями.

Не удивительно, что в одних учебниках есть главы только об эмоциях [7], а в других — только о чувствах [8], так как для авторов это одно и то же. В связи с этим один профессор-психолог, сам пишущий об эмоциональной сфере человека, был немало удивлен, когда я ему сказал, что я разделяю эмоции и чувства, что это не тождественные психологические явления.

Можно понять, что существуют различные теории, объясняющие те или иные стороны психической деятельности, но, с другой стороны, как можно создавать теории, не имея единого психологического тезауруса, единого понимания итога или иного слова-понятия? Например, о какой теории деятельности может идти речь, если мы имеем разное понимание понятия «деятельность»? Или сколько пониманий, столько и теорий? Спросите у психологов, в каком возрасте человек начинает заниматься деятельностью, и вы получите разные ответы в зависимости от того, как она понимается. И если любая активность — игра, общение, учеба и работа — это деятельность, как считают многие психологи, то зачем тогда это понятие, в чем смысл его использования? И вот возникает вопрос: можно ли читать, не зная азбуки, строить избу, не зная, что означают слова пила, молоток, бревна? Ответ очевиден. А в нашей науке не то что избы, а небоскребы теорий возводят, не имея четкого представления об азбуке понятий.

Некоторые авторы, давая определение того или иного психологического явления, пытаются заменить его суть количеством используемых слов.

Парадоксальность сложившейся ситуации состоит в том, что все знают об этих разногласиях, но никто не собирается их устранять. Как-то на защите докторской диссертации по деятельности я спросил у диссертанта, каково его определение деятельно-

---

сти, и получил ответ: «Определений деятельности я насчитал 50. Зачем я буду давать еще одно?».

Другая беда состоит в том, что пытаясь разобраться в тех или иных психологических понятиях, авторы создают теоретические конструкты, которые оторваны от того, что мы наблюдаем в жизни, то есть, по сути, построены на песке. Так, например, С. Л. Рубинштейн, а след за ним П. И. Иванов, К. К. Платонов [9, 10, 11] попытались дифференцировать три мотивационных понятия: влечение, желание и хотение, используя три компонента процесса мотивации — осознание потребности, цели и способа ее достижения. По авторам выходило, что при влечении осознается только потребность, а цель и способ ее достижения остаются человеку неизвестными. Желание характеризуется осознанием потребности и цели, а как достичь цели, человек не знал. При хотении же человек осознает все: потребность, цель и способ ее достижения. Внешне все выглядит вроде бы весьма логично и красиво. Однако, если задуматься, то эта схема рушится, как картонный домик. Неужели, испытывая влечение к объекту влюбленности, человек не осознает цель? То есть, идя на свидание, человек не знает к кому и зачем он идет? А разве нет таких желаний, когда человек не имеет конкретной цели: чего-то хочется (почитать перед сном, посмотреть телепередачу), а что конкретно — не знает? Между прочим, развести желание и хотение как психологические понятия пытался еще И. М. Сеченов в «Рефлексах головного мозга» [12]. Порассуждав так и этак, он вынужден был признать, что эти два слова — синонимы.

Или возьмем «пирамиду» А. Маслоу [13], тоже не согласующуюся с жизнью, но приводимую во многих отечественных учебниках по психологии последних десятилетий как истина в последней инстанции. Напомню, что суть ее в том, что без удовлетворения более низкой базовой потребности у человека не появится другая базовая потребность более высокого уровня. Здесь достаточно вспомнить массу примеров самопожертвования людей ради отстаивания своей идеи (Ян Гус, Джордано Бруно, и др.). Между прочим, сам А. Маслоу в нескольких местах своей книги отмечает, что в таких-то и в таких случаях его теория не работает.

Наконец, к «песочным» теориям можно отнести и информационную теорию эмоций П. В. Симонова, подробную критику которой я дал в одной из своих книг [14]. Дело не в том, что эмоции не связаны с потребностями и осведомленностью человека, как ее удовлетворить, то есть достичь той или иной цели, а в том, что эмоции часто возникают раньше, чем человек подумает, то есть начнет искать необходимую информацию.

Для построения теорий требуются факты, достоверная информация. Еще Гельвеций сказал, что ученый без фактов все равно, что святой, не сотворивший чуда.

Откуда же и как психолог может добыть эту информацию? Путей много и они неравнозначны с точки зрения объективности получаемой информации.

Казалось бы, самым надежным путем является постановка эксперимента с регистрацией каких-то объективных показателей. В большинстве случаев это действительно так, но, к сожалению, сейчас эксперимент в отечественных психологических исследованиях встречается довольно редко. Однако подчас и эксперимент не является полной гарантией надежности получаемых фактов, если не учитываются некоторые моменты. В этом отношении показательным является эксперимент, который был проведен немецким микробиологом Эрхардом в самом начале XX в., для доказательства того, что утомление возникает из-за накопления в организме в процесс работы так называемого кенотоксина. Ученый взял двух собак, одну из которых довел до сильного физического

утомления, после чего положил их на операционный стол и сделал перекрестноешивание кровеносных сосудов. В результате небольшое количество крови утомленной собаки попало в организм не работавшей контрольной собаки. После зашивания сосудов эту собаку тоже заставили бегать в тредбане. Оказалось, что она, образно говоря, еле тащила ноги. Вот, говорил Эрхард, что сделал кенотоксин утомленной собаки. Надо сказать, что контрольной собачке повезло, что она вообще осталось жива, потому что во времена постановки этого остроумного эксперимента о несовместимости групп крови врачи еще не знали.

Другой путь получения информации — интроспекция, самоотчет испытуемых. Однако некоторые психологи боятся интроспекции, считают, что тому, что говорят испытуемые, доверять нельзя. Такую позицию академика И. П. Павлова еще как-то можно понять в связи со стремлением физиологов регистрировать в экспериментах так называемые объективные показатели. Но когда такую же позицию занимают психологи, то возникает вопрос — почему они относят себя к психологам? Например, польский психолог В. Шевчук (1961) высказал скепсис в отношении объективности чувства усталости. Между тем физиолог академик А. А. Ухтомский еще в 1927 г. писал: «Мы оказались бы в довольно карикатурном положении, если бы задались правилом пренебрегать "субъективными" проявлениями утомления и до тех пор не верить человеку, что он устал, пока он не даст нам доказательств в виде отрицательной плетизмограммы или в виде чрезмерного дыхательного коэффициента. Так называемые «субъективные» показатели столь же объективны, как и всякие другие, для того, кто умеет их понимать и расшифровывать. Физиолог, более чем кто-либо, знает, что за всяким субъективным переживанием кроется физико-химическое изменение в организме» (1952) [15. С. 134]. Объективность чувства усталости, как и скуки при монотонной работе, была неоднократно подтверждена исследователями при использовании «объективных» показателей (ЧСС, электромиограммы, энергоомена, дельта-ритма ЭЭГ) — Р. А. Шабунин (1969); Г. И. Мызан (1976); Н. П. Фетискин с соавторами (1984), Е. В. Эйдман (1986) [16, 17, 18, 19].

Вспомним, что писал и К. Юнг: «Психология... знает, что ни одна формулировка не является доказуемой, а тем самым объективной. Но законность субъективных высказываний она должна признать. Подобные высказывания суть психические проявления человеческой сущности. Без них нет психической целостности, даже если придавать им лишь субъективную значимость».

Примеры, связанные с изучением усталости и скуки, как и других психологических состояний человека, свидетельствуют о желательности, а в ряде случаев, и необходимости сопоставления психологических субъективных показателей с объективными физиологическими. Другими словами, требуется совмещение психологического и физиологического подхода к изучаемым явлениям. Однако это не ставит под сомнение значимость интроспекции в психологических исследованиях. Во-первых, представления людей о своих состояниях, способностях часто бывают объективными. Для доказательства приведу одно свое небольшое исследование. Я попросил испытуемых оценить, какие способности у них лучше выражены — концентрация или переключение внимания. Затем у них были выявлены с помощью аппаратурных методик типологические особенности свойств нервной системы — сила — слабость и подвижность — инертность, которые являются задатками этих способностей (сильная и инертная нервная система способствуют концентрации внимания, а слабая и подвижная нервная система —

переключению внимания). Оказалось, что самооценки испытуемых совпали с имеющимися у них задатками. Во-вторых, только одни физиологические показатели в ряде случаев не могут вскрыть всю полноту изучаемого психологического явления. Например, снижение частоты сердечных сокращений наблюдается как при состоянии монотонии, так и при состоянии психического пресыщения. Но если в первом случае испытуемые жалуются на сонливость и скуку, то во втором — на отвращение и возбуждение.

К сожалению, современная отечественная психология все больше и больше сбивается на путь получения информации через опросники. Происходит это вследствие практического исчезновения экспериментальной психологии и инструментальной (с помощью приборов) психодиагностики. С одной стороны, это обусловлено объективной причиной — отсутствием соответствующей материальной базы (экспериментального оборудования). С другой стороны, легкостью и быстротой проведения исследования и получения данных при использовании опроса. В результате волевые качества изучаются только с помощью самооценки. Опросники стали использоваться и при диагностике психофизиологических состояний, например, «психического выгорания». Как следствие, по данным психологов «выгорают» субъекты, не только имеющие большой стаж работы, но и молодые специалисты, при том уже через полгода работы. Как это может быть? Ведь выгорание — это годами развивающееся хроническое состояние, изменяющее личность и отношение к профессиональной деятельности. Неужели полгода работы приводят к истощению ресурсов?

Конечно, опрос испытуемых, там, где это целесообразно, использовать можно и необходимо. С его помощью чаще всего выявляются объективные характеристики испытуемых. Но заменять опросниками все другие пути получения психологами информации бесперспективно.

Приходится удивляться, но на пути своего развития и появления новых направлений психология теряет многие важные для практики дисциплины. Ни на конференциях, ни в научных психологических журналах не освещается проблема психомоторики. Нет такой главы и в учебниках по психологии. Исчезли кафедры психологии труда, а сама дисциплина отделена от эргономики, инженерной психологии и организационной психологии и превратилась в пасынка этих направлений. Но разве все эти дисциплины не освещают психологические проблемы труда? С уходом из жизни корифеев, занимавшихся дифференциальной психофизиологией, практически исчезла и эта научная дисциплина.

Другая беда современной психологии — бездумное увлечение корреляциями, из-за чего начинает исчезать качественный анализ получаемых данных. Берется масса различных показателей, полученные данные закладываются в компьютер и обсчитываются по имеющейся программе. В результате появляются десятки корреляций между всем и вся, смысл которых даже не пытаются понять, а просто перечисляются в тексте работы. Или рисуется круг, на котором точками обозначаются все использовавшиеся показатели, между ними проводится бесчисленное количество линий, показывающих связи, и получается этакий клубок, разобраться в котором чрезвычайно трудно. В лучшем случае строятся плеяды из достоверных корреляций, но и здесь выявленные связи обсуждаются не всегда и не полно. При этом многие студенты и аспиранты наивно полагают, что корреляционный анализ и является содержательным анализом полученных данных и, проведя его, считают свою миссию выполненной.

При этом практически все обнаруживаемые связи рассматриваются как двусторонние: А влияет на Б, а Б влияет на А. Поэтому во всех дипломах, диссертациях и статьях пишут без всяких доказательств о *взаимосвязях*, хотя это и не очевидно. Как следствие нередко всерьез обсуждаются связи и влияния одного фактора на другой, которые в природе вообще существовать не могут, например, что какая-то психологическая особенность влияет на пол и биологический возраст. Многие коэффициенты корреляции, близкие к нулю, рассматриваются как доказательство отсутствия связи между психологическими характеристиками, в действительности же они могут скрывать криволинейную, U-образную связь между ними.

Вся изложенная мною критика направлена не против психологии как науки, а против нас, ею занимающихся, которые, как мне представляется, скатились на неперспективный путь ее развития (я называю его словесно-бумажным), пренебрегая тем, что сделано нашими великими предшественниками. Вспомним, что начиналась психология, как наука, в нашей стране с попытки И. М. Сеченова подвести под психические явления человека физиологическую базу и с создания в 1885 г. В. М. Бехтеревым лаборатории экспериментальной психологии в Казани, а затем и Института мозга в Петербурге. Надо возродить эти направления, а также уделить больше внимания психофизиологии, психогенетике, изучению гормональных основ поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гете И. В.* Фауст. Госиздат «Художественная литература», 1953. С. 116.
2. *Аллахвердов В. М.* Сознание как парадокс. Начала общей психологии. Т. 1. Ч. 1. — СПб., 1999. С. 22.
3. Психология. — Минск: Высшая школа, 1970.
4. Общая психология. — М.: Просвещение, 1963.
5. *Иванов П. И.* Общая психология. — Ташкент: Укитувчи, 1967.
6. Психология / Под ред. А. А. Крылова. — М.: Проспект, 1998.
7. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. — СПб.: Питер, 1999; *Рудик П. А.* Психология. — М.: ФиС, 1976; *Немов Р. С.* Психология. — М.: Просвещение, 1994. Кн. 1.
8. Общая психология / Под ред. А. В. Петровского. — М.: Просвещение, 1976.
9. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. — М., 1946; *Платонов К. К.* Структура и развитие личности. — М., 1986.
10. *Иванов П. И.* Общая психология. — Ташкент: Укитувчи, 1967.
11. *Платонов К. К.* Структура и развитие личности. — М., 1986.
12. *Сеченов И. М.* Избранные произведения. Т. 1. — М., 1952.
13. *Маслоу А.* Мотивация и личность. — СПб.: Питер, 2003.
14. *Ильин Е. П.* Эмоции и чувства. — СПб.: Питер, 2001.
15. *Ухтомский А. А.* Собр. соч. — Л., 1952. Т. 3, лекция XXII — Феноменология утомления.
16. *Шабунин Р. А.* Возрастные особенности функционирования двигательного аппарата и сердечно-сосудистой системы при статических напряжениях: Автореферат дис. ... д-ра биол. наук. — Свердловск, 1969.
17. *Мызан Г. И.* Чувство усталости как отражение объективных изменений физиологических функций при физическом утомлении // Психофизиологические вопросы изучения личности спортсмена. — Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1976.
18. *Эйдман Е. В.* Волевая регуляция деятельности в условиях предельных физических напряжений: Автореф. дис. ... канд. наук. — М., 1986.
19. *Фетискин Н. П., Ершова Н. А., Полякова И. И.* Влияние психических состояний и типологических особенностей на биохимические и энергетические изменения в процессе монотонной деятельности // Психофизиологические особенности учебной и спортивной деятельности. — Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1984. С. 103–106.